

МАРТ 2004 г. На сцене Metropolitan Opera в «Валькирии»

НЕДЕЛЮ НАЗАД во время исполнения «Елены Египетской» в Мадриде

СОПРАНО **ДЕБОРА ВОЙТ:**

Известия - 2005 - 20 дек. - с. 14

«В России я почувствовала себя рок-звездой»

Сегодня вечером через 15 лет после своей сенсационной победы на Конкурсе им. П.И. Чайковского в Большом зале консерватории споет Дебора Войт, на сегодня едва ли не лучшее лирико-драматическое сопрано мира и абсолютная примадонна Metropolitan Opera. Не так давно весь мир обсуждал не только вокальные достижения дивы, но и ее борьбу с излишним весом. О своей первой поездке в Москву в 1990-м, сброшенных килограммах, поп-музыке и новых оперных партиях Дебора Войт рассказала обозревателю «Известий» **Илье Кухаренко**.

«Я не русская, они меня никогда не выберут»

ИЗВЕСТИЯ: Помните ли вы свою первую поездку в Москву?

ДЕБОРА ВОЙТ: Как я могу забыть! Это самый невероятный и очень важный опыт во всей моей карьере. Как ни странно, я почти было отказалась от этой поездки из-за других прослушиваний. Думала: этот перелет до Москвы, никаких шансов на победу. Они никогда меня не выберут, я не русская, мне не светит. Но когда я все-таки решилась, начались самые большие неприятности.

ИЗВЕСТИЯ: Неприятности?

Войт: Я решила, что раз это такой длинный перелет, то я позволю себе путешествовать с комфортом. Надела хлопчатобумажную футболку, никакого макияжа. О'кей, решила я, буду спать. Но, прилетев в Москву, чемоданов я своих не обнаружила. То есть я осталась буквально ни с чем — ни платьев, ни косметики. Но это еще не все — когда я подавала заявку, я написала, что мне нужна отдельная комната, так как я еду с мужем (тогда еще я была замужем) и я оплачу разницу. Но это забыли, и меня поселили с другой конкурсанткой. А когда я попросила отдельную комнату, администраторы сказали, что я должна оплатить разницу в долларах. А по тогдашнему курсу это была астрономическая сумма.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы решили эту проблему?

Войт: В конце концов они сказали: «Хорошо! Если вы принесете нам бумагу за подписью председателя жюри Конкурса им. П.И. Чайковского, который разрешит вам оплатить в рублях, мы согласимся». Это, кстати, был день жеребьевки, и я пришла в том, в чем я летела в самолете (багажа-то не было). И — о ужас! — это все снимали для телевидения. В этот момент я подумала: что я здесь делаю среди всех этих девушек, особенно из стран Дальнего Востока, — миниатюрных, идеально накрашенных и причесанных? И тут раздался голос: «Дебора Войт». Я взяла номер, и он оказался тринадцатым — в Америке это самый несчастный номер.

ИЗВЕСТИЯ: В России тоже...

Войт: Как? А мне тогда все говорили, что это к удаче...

ИЗВЕСТИЯ: Ну, есть две версии...

Войт: Понятно, значит, просто утешали. Но я таки нашла этого председателя, который, я должна вам сказать, совсем не горел желанием мне помочь. Вероятно, он думал: «Кто эта американка, которая выглядит как черт знает кто?» (а я еще не

открыла рта и не спела ни одной ноты). Но я буквально вцепилась в его руку, развернула его к себе и твердым голосом сказала: «Слушайте! Вы пригласили меня на свой конкурс, я заплатила взносы, я прилетела из США, вы должны помочь!» — и тут я разревелась. Только тогда он наконец написал все что требовалось.

ИЗВЕСТИЯ: Но потом, вероятно, все наладилось?

Войт: Это правда. Когда конкурс начался, я впервые почувствовала невероятный энтузиазм публики — я больше такого никогда не видела. Это было немножко похоже на то, как у нас относятся к рок-звездам.

ИЗВЕСТИЯ: Конкурс принес вам известность на родине?

Войт: Вы себе не представляете, сколь много это значило для славы в моей родной стране, я тут же стала героиней ТВ-шоу «Доброе утро, Америка!», была масса интервью для самых известных медиа. Конечно, этот конкурс у нас ассоциируется с Ваном Клиберном.

«Я все еще боюсь большой «И»

ИЗВЕСТИЯ: Я слушал вашу замечательную Изольду в Вене, однако еще несколько лет назад вы заявляли в своих интервью, что боитесь и не торопитесь петь «big I» (так шуточно называют партию Изольды. — «Известия»). Как изменились ваши ощущения после того, как партия спета и записана?

Войт: Ох, я все еще боюсь. Я считаю, что с этим очень большим «И» нужно быть осторожной. Я спела эту партию значительно раньше, чем намеревалась, только потому, что уж очень соблазнитель был сам проект. Венская опера, новая постановка, потрясающий Кристиан Тиелеман в качестве дирижера, с которым я сотрудничала много лет, Томас Мозер — мой большой друг — в качестве Тристана. И я решила: сделаю это, но не приму ни одного предложения спеть эту партию еще раз до тех пор, пока я не закончу петь ее в Вене. К счастью, все прошло успешно, но теперь я не буду петь Изольду до 2008 года. Мне бы хотелось оставаться подольше в итальянском репертуаре и пока повременить с Вагнером. Я только что отменила свою первую Брунгильду в «Кольце Нибелунгов».

ИЗВЕСТИЯ: Почему?

Войт: Я только начала наслаждаться своим более худым телом, наслаждаться возможностью больше двигаться по сцене. И мне хотелось бы спеть больше веристских партий. Проблема с

Брунгильдой одна: что ты будешь петь потом, после Брунгильды? И к тому же в мире всего пять-шесть певиц, которые могут справиться с этой машиной. И если я один раз соглашусь спеть Брунгильду, меня будут просить только об этом. Они найдут другую Ариадну, они найдут другую Тоску. Пусть не меня (*смеется*), но они наверняка найдут. Но если они будут нуждаться в моей Брунгильде, они будут предлагать петь только ее. А я еще не готова пойти на такой шаг.

«Я вряд ли соглашусь носиться голой по сцене»

ИЗВЕСТИЯ: Что заставило вас так сильно изменить свою внешность — не только вес, но все: прическу, макияж? Я никогда раньше не замечал, какие у вас огромные голубые глаза, почему вы их прятали?

Войт: Ох, я много-много раз пыталась сбросить вес. Однажды я сбросила 35 кг, но потом набрала их снова. Одно время мне казалось, что я просто умираю. Я могу только работать и больше ничего. И к тому же я чувствовала фрустрацию, поскольку во время пения внутри меня бушевали страсти, а из-за своего веса я не могла позволить им вырваться наружу. И это создавало дистанцию между мной и публикой. А глаза мои сделались ярче потому, что вокруг них теперь меньше лица. Их просто стало видно, когда я похудела.

Вы, наверное, знаете, что я решилась на операцию на желудке. Эта процедура стала очень популярной во всем мире, но особенно в США, поскольку у нас это по-настоящему серьезная социальная проблема. Этот способ усовершенствовался, и я решила, что смертельно устала от моей проблемы. Слава богу, риск оправдался. Я чувствую себя прекрасно, ем все что захочу, но понемножку, конечно. Недавно я летела из одного европейского города в другой на маленьком самолете, где не было первого класса. Раньше, когда я была очень большой девушкой, я бы ужасно нервничала по этому поводу. Но теперь я села с большим комфортом в это обычное кресло, скрестила ноги, застегнула ремень. Вы и представить себе не можете, какие чувства я испытала. Это все равно что петь Изольду в первый раз.

ИЗВЕСТИЯ: Значит ли это преобразование, что теперь вы будете участвовать в авангардных постановках, без париков и кринолинов?

Войт: Хм... Я старомодная девушка. Мне нравится все красивое. Но меня особо и не просили ни о каких безумных постановках. Когда я была моложе и мне могли делать такие предложения, я была слишком тяжелой для подобного рода экспериментов. А теперь вроде никто уже и не хочет делать авангардный проект с Деборой Войт.

ИЗВЕСТИЯ: Это хорошо или плохо?

Войт: Э-э-э-э-э, не уверена. Я готова рассмотреть каждый вариант в отдельности.

ИЗВЕСТИЯ: Но вам нравится быть более драматичной на сцене?

Войт: Мне нравится быть драматичной или бросать вызов... Вот, скажем, Боб Уилсон...

ИЗВЕСТИЯ: (Пытаюсь изобразить характерный «египетский» разворот рук и головы.)

Войт: О нет! Вы сделали это слишком быстро. (*Смеется*.) Работа с Уилсоном в «Лоэнгрине» была, пожалуй, самым необычным моим проектом. Он лишает певца всех его обычных способов жестикуляции, обычных эмоциональных порывов. Я, например, часто помогаю себе телом. И вдруг все это оказалось нельзя. Как ни странно, это подарило мне возможность больше выражать голосом, больше обращать внимания на текст. Конечно, я вряд ли соглашусь носиться голой по сцене в постановке «Елены Египетской» Рихарда Штрауса (хотя вы можете со мной это обсудить... — *смеется*).

ИЗВЕСТИЯ: С моей точки зрения, только американские певицы обладают счастливым умением петь популярную музыку, не превращая ее в китч. Не хотите ли вы спеть песни Гершвина или Ирвина Берлина?

Войт: Уже пою. В январе я собираюсь сделать кабаре-вечер с роялем, ударными, саксофоном и даже с микрофоном. Сквозной темой будет «Путешествие», но не роскошное, а скорее уютное, одинокое, не дающее тебе создать семью.

ИЗВЕСТИЯ: Я помню, как великая американская Изольда и Джо-конда — Эйлин Фаррел пела Гершвина так, что любой джазовой певице могла дать фору...

Войт: Именно. Я была очень дружна с Эйлин. И однажды я решила спеть именно этот репертуар и позвонила Эйлин и сказала: «Я очень волнуюсь, это ведь музыка, которую я никогда не пела, и у меня нет нужного стиля». И Эйлин ответила в своей обычной манере: «Honey (милочка)! Просто пой песню, пой слова. Не пытайся свинговать или изображать Эллу Фитцджералд. Просто пой это своим собственным голосом». И это был лучший совет.

ИЗВЕСТИЯ: То есть нам ждать вашего Гершвина в Москве?

Войт: (*Смеется*.) Да, я рассчитываю спеть пару песен на бис.

ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ ИНТЕРВЬЮ ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ «ИЗВЕСТИЙ» WWW.IZVESTIA.RU